

Т. И. ИГНАТЬЕВА
(Якутск)

К ВОПРОСУ О БЫТОВАНИИ ФОНОИНСТРУМЕНТОВ У ЮКАГИРОВ¹

Аннотация. Статья посвящена вопросам выявления и описания фоноинструментов у различных этнических групп юкагиров (одулов, вадулов и частично чуванцев). В ней анализируются фоноинструменты и звуковые орудия, выявленные в этнографических и исторических источниках, а также в полевых экспедиционных материалах собирателей в 1970—1990 гг.

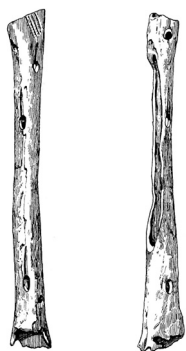
Ключевые слова: музыкальный фольклор юкагиров, традиционные фоноинструменты и звуковые орудия, типологические и конструктивные особенности, архаика и ассимиляция.

Музыкальный фоноинструментарий юкагиров, как и многие другие элементы традиционной культуры, связанные с общением с духами в промыслово-хозяйственной, бытовой и обрядовой сфере, был мало исследован и ко времени его научного изучения почти не сохранился. Отдельные сведения, содержащиеся в работах различных исследователей, единичные образцы фоноинструментов, хранящиеся в музейных и частных коллекциях, а также экспедиционные находки последних десятилетий позволяют частично восполнить пробел, возникающий при изучении этой практически исчезнувшей части духовной культуры юкагиров. Выявить звучание этих инструментов не всегда удается, кроме редких примеров звукоизвлечения на простейших из них (охотничьих манках, мирлитонах и звуковых игрушках). Современные фольклорные исполнители зачастую могут лишь вспомнить юкагирское название инструмента или составить его краткое описание.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ №10-04-12111 «Создание информационной системы “Электронный фонограммархив по музыкальному фольклору народов Северной Азии”» (рук. Ю. И. Шейкин)

В целом, фольклорные фоноинструменты были известны во всех этно-локальных юкагирских группах: у вадулов (нижнеколымских юкагиров) и у одулов (верхнеколымских юкагиров). Также сохранились упоминания и об инструментальной практике у потомков анадырских юкагиров (чуванцев), во многом ассимилировавшихся с культурой соседних народов [Северная энциклопедия 2004, 1068—1069]. Рассмотренные ниже инструменты, связанные с различными сферами социальной жизни юкагиров, отражают особенности музыкально-фольклорной практики, сохранившей следы этнической архаики и межкультурного общения последних столетий.

По данным исторической науки до прихода прототунгусских и тюркоязычных народов в Центральную Сибирь обширные северо-восточные территории Сибири заселяли древние юкагиры. Косвенное подтверждение этому можно найти в исторических документах, где зафиксирован переход нескольких юкагирских групп на эвенский язык и оленеводческий тип хозяйства в XVII—XIX вв. [Окладников 1955, 268—292]. К первым памятникам музыкальной культуры древних юкагиров можно отнести археологическую флейту, найденную на стоянке неолитического поселения на р. Куллаты в Хахсыкском наслеге, впадающей в р. Лену в 35 км к югу от г. Якутска. А. П. Окладников выделяет этот фоноинструмент среди других предметов, потому что он «исключительный по форме». В частности, «куллатинская флейта» представляет собой «костяной предмет» в виде гладкой «цилиндрической трубочки», изготовленной «из трубчатой кости лебедя или другой крупной птицы». Однако археологи признали эту трубочку «флейтой» прежде всего потому, что она была со всех сторон покрыта «круглыми отверстиями, но расположенными не друг против друга (т. е. насквозь — Т. И.), а так, что против каждого отверстия имеется непросверленная стенка». Такое расположение отверстий позволило А. П. Окладникову сделать заключение, что «по виду эта вещь чрезвычайно напоминает простейшие музыкальные инструменты типа свирели или пастушеской дудки, известные в неолите в

Илл. 1. Неолитические флейты. Рис. из кн.: Окладников А. П. *История Якутии*. 1955. С. 20

Скандинавии и других стран. Не исключено, следовательно, что люди, оставившие это изделие, имели даже музыкальные инструменты вроде флейты» [Там же, 90—91] (илл. 1).

«Куллатинские флейты» имеют существенное отличие от хорошо известных в историческом музыкознании неолитических флейт Скандинавии. У скандинавских флейт отмечено линейное расположение пальцевых отверстий [Грубер 1941, 138—139; *Geschichte* 1977, 41]. Между тем как описанное расположение отверстий у «куллатинских флейт» позволяет отнести их к более раннему историческому типу аэрофонов. Логичным было бы предположить, что этот инструмент являлся даже не флейтой, а свободным аэрофоном и представлял вращаемый на жилке предмет, который благодаря отверстиям издавал свистковые звуки. Возможно, он служил охотничьим манком или ритуальным звуковым орудием, который в современной органологии может быть определен как своего рода уникат [Шейкин 2002, 49]. Не исключено, что подобные костяные «флейты» были распространены у народов Сибири в прошлом, но музыкальная этнография XX в. уже не зафиксировала их в живой фольклорной практике. Характерно, что костяные флейты нанайцев и нивхов, хранящиеся в различных музейных коллекциях, являются, как и скандинавские инструменты, флейтами с линейным расположением пальцевых отверстий [Атлас МИ 1975, 195].

Сохранившиеся на Лене и ее притоках наскальные рисунки, по данным исторической науки, являются современниками «куллатинской флейты».

Среди этих петроглифов особое внимание привлекают изображения людей с характерным изгибом туловища, придающим им сходство «с танцующей фигурой». Почти все исследователи безошибочно определяют многочисленные композиции с фигурой шамана и шаманской атрибутикой (бубен, колотушка и т. д.). Древнейшие наскальные антропоморфные изображения отображают обрядовые формы поведения людей во времена археологических эпох и косвенно свидетельствуют о существовании фоноинструментальной практики древних юкагирских племен [Окладников, Запорожская 1959, 95].

Говоря о процессе выявления и изучения фоноинструментария необходимо отметить собранные в разные годы в регионах компактного проживания юкагиров экспедиционные материалы и их публикации, осуществленные И. А. Бродским (Богдановым) [Бродский 1976, 244—257], Т. И. Игнатьевой [Игнатьева 2005], Ю. И. Шейкиным [Шейкин 1996, 77—82; *Северная энциклопедия* 2004, 1145—1146] и другими.

Например, И. А. Бродским (Богдановым) в ходе работы Северо-Дальневосточной фольклорной экспедиции Союза композиторов СССР в августе 1972 г. было записано «более 50 образцов современного и традиционного музыкально-танцевального и словесного русского, чукотского, юкагирского и якутского фольклора» в Верхнеколымском районе Якутии [Бродский 1973, № 84]. Исследователем было «впервые выявлено, описано и обмерено более 10 музыкальных инструментов. Это юкагирские жужжалка “панкара-мумбри”, завывалка “емгаймумбри”, трех видов волчки: дискообразный — “юколан эл-колок”, крестовидный и рюмкообразный с рукояткой и нитью — “памиие”, наkostюмные погремушки, трех разновидностей варган (“барыган”, иначе “марыган”), тальниковый свисток, гудок из птичьего пера, тростниковая дудка, двух разновидностей пишалки, “польliche” и бубен с бубенцами» [Там же]. Также им были записаны и инструментальные наигрыши. По свидетельству автора, эти инструменты пополнили коллекцию Союза композиторов СССР и Верхнеколымского районного краеведческого музея.

Позднее в своих публикациях И. А. Бродский приводит краткие сведения о юкагирских фоноинструментах в контексте проблемы изучения музыкального фольклора народов Севера [Бродский 1974; 1976]. В частности, в музыкальном инструментарии юкагиров им была отмечена и «вращаемая завывалка *неняр-шашагаче* — “ворожилка погоды”». Вероятно, в данном случае исследователь имеет в виду одну из разновидностей свободного аэрофона, которая, судя по названию, была распространена у анadyрских юкагиров — чуванцев [Бродский 1974, 157; Бродский 1976, 254]. В ходе дальнейших музыкально-этнографических экспедиций 1980—1990-х гг. (см. [ПМ № 37, 45, № 70, 72, 84, 93, 109] и др.) многие из приведенных исследователем данных и терминов не подтвердились, хотя и учитывались собирателями.

Типологически вышеописанная «куллатинская флейта» может быть связана со свободными аэрофонами, зафиксированными у современных юкагиров. Свободные аэрофоны у вадулов представлены двумя разновидностями. Первая — это вертушка (жужжалка) в виде пластинки с отверстиями в центре, сквозь которые продета жилка. По-юкагирски называется *мумдэй*. Вторая разновидность *нянмэн чадюнеп* также представляет собой вращаемую деревянную пластину или щепку, но значительно большей длины. На одном конце пластины сделано отверстие, через которое продет жгут или веревка (нитка). При озвучивании инструмент издает низкий гудящий звук. По мнению носителей фольклорной традиции, с их помощью шаманы, так же как и у чуванцев, «ворожили погоду» [ПМ № 45, 72; Курилов 1990, 158—159].

У одулов свободные аэрофоны относятся к детским звуковым игрушкам и представлены в виде вихревой жужжалки квадратной формы с ребристой поверхностью («пуговица»). Иногда этот инструмент делается в форме продолговатой пластины («винт») и называется *мумжйя* [ПМ № 45, 84, 93; Спиридонов 1997, 11] (см. стр. 2 обложки). Другой вариант свободного аэрофона у одулов — вращаемая пластинка или щепка, напоминающая рыбку на удочке, которая при вращении создает непрерывный

гудящий звук. По названию он близок к определению вихревой жужжалки — *мумжерул*. Последняя разновидность свободного аэрофона издает звуки, которые юкагиры сравнивают со «звучанием Неба» [ПМ № 70, ПМ 84, 93]. В целом подобные звуковые орудия изначально можно отнести к обрядовым инструментам юкагиров, которые на протяжении XX в. утратили свою магическую функцию и стали детской звуковой игрушкой с функцией оберега.

В предметном мире вадулов особую роль занимали погремушки-обереги *уон ливидий*, связанные с традиционной интонационно-акустической культурой. Их подвешивали на детскую колыбель, которая по внешнему виду напоминала тунгусскую. Среди детских звуковых игрушек вадулов следует отметить погремушки, сделанные из рыбьего пузыря или птичьего зоба. Одульская погремушка из засушенного зоба птицы называется *нукиль* или *йодии* — «игрушка» [ПМ № 45, 92; Спиридонов 1997, 18; Николаева, Шалугин 2002, 125].

Другие виды фоноинструментов также могли использоваться в качестве детской звуковой игрушки или быть связанными с натуралистическими имитациями голосов промысловых птиц и животных с целью подманивания. Это отражает особенности культурно-хозяйственного комплекса пеших охотников и рыболовов тундровой и таежной зоны. Например, у вадулов известен тальниковый свисток со свистковой щелью — *ньанмэнг чугирэснубэ*, который практикуется в качестве детской звуковой игрушки. Иногда изготавливали свистковый манок из пера птицы (лебедя, гуся или журавля), который назывался *уйэнг чугирэснубэ* и использовался уже в качестве охотничьего манка [ПМ № 45, 72; Курилов 2001, 308, 484, 561]. Одулам также были известны подобные инструменты. Это свисток из тонкой веточки тальника, который сохранялся только с промысловым назначением в качестве манка на рябчика. В структуре данного инструмента *чунгжиэ* ~ *чунгжия* ~ *чуңжэйл* имелась свистковая щель и порожек [ПМ № 45, 70, 81, 93; Спиридонов 1997, 29; Николаева, Шалугин 2002, 82]. Считалось, что использовать манок на птицу в игровой форме грешно. Иногда этот довольно тонкий

цилиндрический свисток, выполнявший функцию охотничьего манка, делался из стебля соломы и назывался *ульэгэраа* ~ *ульэгара* [ПМ № 70, 81, 93; Николаева, Шалугин 2002, 72]. Кроме того, одулы пользовались язычковой ленточной пищалкой из листа соломы и подражали с ее помощью пisku бурндука — *ульэгэнг чугурубиз* [ПМ № 70, 84, 93; Николаева, Шалугин 2002, 72, 81]. Сигнальную функцию охотничьего манка у одулов имела и язычковая пищалка из крупного пера водоплавающей птицы лебедя (гуся или утки) — *манник имисьума* (*янгжэ* ~ *йангжэ* или *пандилэ*) [ПМ № 70, 84, 93; Николаева, Шалугин 2002, 133, 114, 183].

Среди охотничьих манков, используемых во время охоты на лося, выделяется простейшее звуковое орудие — *нбэк чомоолбон* («подзывать лося»). Дробный громкий звук извлекался с помощью палки, которой быстрым движением проводили по стволу дерева. В некоторых случаях одулы вместо палки (одноразового и подручного инструмента) использовали более долговечный инструмент — рог оленя [ПМ № 45, 93; Николаева, Шалугин 2002, 53, 81]. Подобный охотничий звуковой сигнал известен и другим народам Северной Азии (хантам, нганасанам и т. д.).

Своего рода уникальный фоноинструмент в виде фрикционного идиофона выявлен в интонационно-акустической практике вадулов — *ниидьэсабурка аmun* ~ *нидзенсабурка аmun* («лопаточная кость оленя»). В центре сухой пластинчатой лопатки оленя делалось отверстие (обычно выбиралась старая многолетняя кость). В отверстие вставлялась обструганная деревянная палочка. Ее вращение производило специфическое потрескивающее звучание, которое формировалось в наигрыш с названием «лай собаки». Подобные наигрыши использовались для управления оленьим стадом. Удивительно, но звучание этого фоноинструмента, сравнительно негромкое в обычной обстановке, заметно усиливалось на открытом морозном воздухе в тишине арктической ночи. По свидетельству оленеводов, они пользовались этим звуковым орудием для отпугивания волков. Иногда пастухи с помощью этого инструмента исполняли и песенные ритмы. Вадулы считают, что на таком

инструменте «можно играть интересные мелодии». Изредка на фрикционной лопатке исполнялись звуки, имитирующие звучание шаманского бубна [ПМ № 72; Курилов 2001, 42, 371].

К числу обрядовых фоноинструментов у юкагиров следует отнести прежде всего шаманский бубен. В музыкально-фольклорной практике и мифологии юкагиров он прежде занимал важное место, являясь неизменным атрибутом шаманских камланий и ритуальных действий. У вадулов этот инструмент назывался *йэркэйэ* ~ *льэркэйэнг* ~ *еркэе* ~ *леркээнг*, а у одулов — *йалгил* ~ *ялгиль*. Бубен у чуванцев назывался по-чукотски — *йарар* ~ *ярар* (собственно юкагирское название не выявлено) и соответствовал бубнам оленьих чукчей и коряков. И. А. Бродский (Богданов) отметил отличительное звучание бубна кочевых чукчей, коряков и юкагиров. Он охарактеризовал звучание юкагирского бубна как «глухое» и «гулкoe», в отличие от «пронзительно резкого» звучания бубна у поморов — эскимосов и береговых оседлых чукчей [Бродский 1974, 157; Бродский 1976, 251—254].

По свидетельству одного из известных исследователей истории и этнографии Сибири XVIII в. Я. И. Линденау, юкагиры «иногда целые ночи напролет наслаждаются звуками бубна. Если они перекочевывают на новое место, то шаман ходит с бубном из одной юрты в другую и камлает или благословляет место, причем его всюду угощают мясом» [Линденау 1983, 155]. Я. И. Линденау дает также и весьма необычное и спорное описание материала, из которого изготавливалась мембрана юкагирского шаманского бубна: «Однако их волшебный бубен совершенно особый, встречается только у них одних. Он сделан из кожи шаманов, которую они сдирают после их смерти и натягивают на деревянную основу. С костей соскабливают мясо и кости собирают в скелет, одевают в платье как человека и почитают скелет как божество. Юкагиры помещают такие наряженные кости постоянно наверху в своих юртах, иногда 10—15 штук <...> Гадают с помощью этих скелетов, если на вес они тяжелые, то это дурной признак, и наоборот. Эти скелеты юкагиры называют стариками» [Линденау 1983, 155]. Действительно, в

далеком прошлом у юкагиров существовал обычай ритуальной мумификации умершего шамана, останки которого после соответствующих процедур впоследствии становились своеобразными родовыми амулетами-оберегами для его родственников. С их помощью гадали и предсказывали будущее. Впервые об этом обряде мумификации покойных шаманов сообщили в конце XVII в. исследователи Сибири и Дальнего Востока Избрант Идес и Адам Бранд в своих «Записках о русском посольстве в Китае» [Идес, Бранд 1967]. Но сам факт изготовления мембраны шаманского бубна из кожи умершего шамана представляется до сих пор весьма спорным и не подтверждается другими источниками.

У таежных юкагиров (одулов) шаманский бубен назывался *йалгил* ~ *йалгыл* (букв. «шаманский бубен; озеро»), а у тундровых (вадулов) *еркэе* ~ *йэркэйэ* или — *леркээнг* и имел двойное значение. С одной стороны, он, как и у тунгусо-маньчжурских соседей — эвенов и эвенков, олицетворял собой оленя-помощника, а с другой — он, как у чукчей и коряков, являлся семейной святыней. У одулов шаманский бубен, судя по его описаниям, можно отнести к камчатскому типу. Он имеет круглую форму и является семейной святыней. На обечайке бубна имелись небольшие бугорки, которые, как и на бубнах вадулов, могли быть связаны с традицией якутского и эвенского типа бубна [ПМ № 45, 72; Курилов 1990, 136; Прокофьева 1961, 441—442, 466, 497].

В научной литературе наиболее подробно описан одульский тип бубна благодаря тому, что он сохранился в музейных коллекциях. В частности, Е. Д. Прокофьева относит юкагирский бубен к эвено-якутскому варианту среднесибирского типа [Прокофьева 1961, 417]. Основными признаками среднесибирского типа бубна, по мнению Е. Д. Прокофьевой, являлись: овальная или яйцевидная форма; средний размер (50—70 см в диаметре); средней ширины обечайка (8—10 см); резонаторные отверстия в обечайке, сообщающиеся с полостями выступов на внешней стороне обечайки; рукоять в виде железной крестовины; отсутствие рисунков. Подобный тип бубна имел два варианта — эвенко-якутский и нганасано-энец-

кий — и был распространен у народов Средней и Северной Сибири (к востоку от Енисея). Типологические признаки эвенко-якутского варианта были присущи и юкагирскому бубну: «В юкагирских бубнах крестовина часто изготовлялась из мягкого материала — ремней, ровдуги...» [Там же, 417]. Вместе с тем, автор отмечает, что юкагирские бубны, в отличие от других бубнов данного типа, не имели резонаторных щелей в обечайке [Там же, 417]. Это серьезно влияло на звучание юкагирского бубна и делало небольшие бугорки на обечайке менее значимым, чем у якутского и эвенкийского бубнов, акустическим приспособлением. У последних это сочетание большого бугорка на обечайке, единой струны объединяющей все бугорки вдоль по всей обечайке и резонаторных прорезей способствовало созданию особого акустического эффекта.

Конкретные образцы бубнов имели определенные параметры. Бубен юкагиров-одулов, описанный Е. Д. Прокофьевой, был яйцеобразной формы и больших размеров (до 90 см. в продольном и до 65 см в поперечном диаметре). Обечайку (шириной в 6—7 см) делали из лиственничного дерева и обтягивали кожей двухлетнего оленя-самца. Обтяжку приклеивали или собирали по краю в сборки на жилную нитку. На наружной стороне обечайки иногда делали резонаторные «шишки» [Там же, 417]. Между тем, полевые исследования показали, что шаманский бубен, известный фольклорному исполнителю В. Г. Шалугину из п. Нелемное Верхнеколымского р-на, был круглой формы. Обечайка *ялгил шалл ангиль* ~ *йалгил шалл аңиль* (букв. «дерево бубна, делающее отверстие»), изготавливалась из березы и была шириной с ладонь. На обечайке с внешней стороны делалась зигзагообразная бороздка [ПМ № 70].

На внутренней стороне обечайки бубна из музейной коллекции, описываемого Е. Д. Прокофьевой, имелись скобы (железные или из скрученного ремня) с цилиндрическими или кольцеобразными подвесками. Внутри бубна на ремнях, реже на скрученных оленьих жилах укрепляли крестовину, иногда медное кольцо. Крестовину не всегда делали из железа, на некоторых буб-

нах ее сплетали из ремней и веревок. Встречалась крестовина, по своей форме напоминавшая распластанного оленя. Бубен представлялся оленем, на котором шаман «путешествовал» [Прокофьева 1961, 417]. Вариант, описанный В. Г. Шалугиным, имел крестовидную рукоятку из тальника. Она врезалась в обечайку с помощью пазов и крепилась клеем из шкур оленя. Этим же клеем закрепляли тонко выделанную из шкуры оленя мембрану — *ялгий хаар* ~ *йалцьи хаар* [ПМ № 70]. В качестве колотушки (*ялхил наидийя*) использовалась узкая, слегка изогнутая палочка, обтянутая оленьим камусом [Прокофьева 1961, 441]. Бубны хранились в специальном чехле, сшитом из оленьих шкур. Рисунков на бубне, как правило, не делали. Лишь изредка встречались бубны, на наружной поверхности которых были нарисованы концентрические круги. Юкагирский бубен, так же как и чукотский и корякский, был семейной святыней. Каждый член семьи имел право бить в бубен» [Там же, 442].

Некоторые другие разновидности юкагирского бубна исследователь относит к забайкальскому варианту дальневосточного типа, который характеризуется следующими признаками: овальная форма; средний и маленький размеры (от 30 до 60 см в диаметре); узкая, но толстая обечайка (2,5—5 см); отсутствие резонаторных отверстий на обечайке; рукоять в виде металлического кольца, прикрепленного на четырех ремнях; наличие в некоторых случаях рисунка на внешней стороне бубна; прикрепление обтяжки к обечайке путем наклеивания. Подобные бубны были распространены в основном у народов Приамурья, а также у забайкальских и охотских эвенков, частично бурят, эвенков, юкагиров и коряков [Там же, 417].

Важную роль в шаманской деятельности играли подвески-погремушки, которые располагались на ободке шаманского бубна, одежде шамана и на его атрибутах. Они различались по внешнему виду и в зависимости от размера и структуры делились на шаровые бубенчики — *лямчиэ*, пирамидальные колокольчики с язычком — *кошастие*, трубоконусные парные подвески-погремушки — *лемчэйтие* и стреловидные подвески-стукалки — *ялгийтайдэ*.

Кроме того, звенящие украшения, обладавшие функцией звуковых оберегов, пришивались к детской и женской одежде, а чаще всего к праздничному (свадебному) убранству оленя. На стадных оленей тундровые оленеводы надевали ботала-погремушки — *енгчэ*. Иногда, сохраняя архаичную традицию, их изготавливали в виде соударяемых погремушек из парных копыт, деревянных брусков и косточек. Такие погремушки привязывали на рога оленей, а их шум отпугивал волков и диких оленей.

Собственно музыкальным инструментом у юкагиров считался музыкальный лук. У вадулов лук, на тетиве которого играли стрелой, назывался — *йуорал наандавиэ* ~ *юорал нандавиэ* — «играющий лук». Звук извлекали с помощью гладко выструганной палочки — стрелы, которой ударяли по тетиве или терли ею подобно смычку, производя фрикционные звуки [ПМ № 45, 72; Курилов 2001, 138, 279]. Практика интонирования на музыкальном луке у вадулов практически исчезла, и можно лишь предполагать, что она имела аналогии с подобной традицией музцирования у нганасан, ненцев, манси и др. Иными словами, не исключено, что исполнители артикулировали свои мелодии, держа натянутую тетиву лука у открытого рта играющего (подобно струне над резонаторным отверстием). В частности, в культуре юкагиров-одулов музыкальный лук — *эйэ* ~ *эйтэ* — «лук» — являлся архаичным эквивалентом варгана, звук из тетивы которого извлекали с помощью стрелы *йоготи* ~ *ёготи* [ПМ № 70, 84, 93; Николаева, Шалугин 2002, 176].

В инструментальной практике юкагиров не зафиксирована игра на варгане. Но, вместе с тем, фольклорный исполнитель В. Г. Шалугин назвал дуговой металлический варган одулов термином *льалья*. Возможно, название имеет звукоподражательное происхождение, но интонировать на этом инструменте носитель традиции таежных юкагиров отказался. Существование варгана в качестве традиционного инструмента у чуванцев отметил И. А. Бродский (Богданов) [Бродский 1974, 157; Бродский 1976, 254]. Более того, чуванцы являются единственной этнической группой юкагиров, сохранившей практику ин-

тонирования на этом инструменте. Обычно пластинчатый варган чуванцы изготавливали из березы, реже из кости оленя. В последнем случае выбиралась самая крупная кость животного — на задней ноге. Но в 80-е гг. XX в. на Чукотке возник новый способ изготовления пластинчатого варгана — из стальной линейки. В апреле 1986 г. были записаны 15 на-

Илл. 2. Е. И. Шитикова и Ю. И. Шейкин. Фото М. Такава, 1986 г.

игрышей от чуванкой исполнительницы Е. И. Шитиковой на пластинчатом варгане — *ванна ангананг* (от чукотского «на варгане интонирую») [ПМ № 37; Бродский 1974, 157; Добжанская 1991, 52—58] (илл. 2).

Собственный фоноинструментальный эквивалент варгана предложил фольклорный исполнитель Н. М. Лихачев из с. Нелемное. Он использовал в качестве мрилитона расческу и лист бумаги — *йоод ангийэ ~ ёод ангие*. Мелодии, которые напевал через расческу и бумагу исполнитель, также были ассимилированными. Он исполнил русские танцевальные мелодии без слов [ПМ № 84]. Точнее, слова в этих песнях были, но они по преимуществу имели тембровое значение, подобно тому, как это представлено в русско-юкагирской песне-танце «Омуканово»: *ту-да тын-да шли-да ты-да...* [Кляус, Супряга 2006, 131—133].

Музыкальные инструменты, связанные своим происхождением с русской инструментальной традицией, встречаются у юкагиров всех групп при музыкальном сопровождении подражательных танцев. Исследователь северного танца М. Я. Жорницкая в 1959 г. посетила районы проживания юкагиров и составила описание танцев у одулов с названиями «бычок», «горбунок», «хоровод» и т. п. Эти и другие песни-танцы могли объединяться в одном танцевальном сюжете, который представлял синтез, юкагирских и старорусских кинематических, вербальных, музыкально-фольклорных традиций [Жорницкая 1970, 1975]. Мелодии такого

синтезированного танца соединялись последовательно, подобно лирическим импровизациям в известных под названием *анадыльщина ~ андыльщина* песенных импровизациях, отмеченных еще Ф. Ф. Матюшкиным, В. Г. Богоразом, В. И. Иохельсоном и др. Но, главное — все они сопровождалось игрой на балалайке или скрипке. При этом, в отличие от лирических песен, танцевальные наигрыши имели тембровый текст, что не требовало знания языка. Такие мелодии иногда пели без инструмента, что называлось танцевать «под язык» [Жорницкая 1970, 50—84, 85—98].

В результате юкагирско-русских межкультурных контактов во всех юкагирских этнических группах отмечены самодельные двух- или трехструнные лютни с долбленным овальным, треугольным или «лопатообразным» корпусом. Струнные инструменты имели как смычковый, так и щипковый способы звукоизвлечения. В этом отношении показательна самодельная балалайка, изготовленная коренным жителем Нижней Колымы В. С. Котельниковым. Инструмент поступил в фонды Краеведческого музея п. Черского и впервые был отмечен в процессе работы IV Комплексной экспедиции в марте-апреле 1987 г. [ПМ № 45]. Хордофон получил название «походская балалайка», так как его изготовитель совместил традиции русских старожилых из нижнеколымского п. Походск с особенностями инновационных черт в музыкальной практике коренных жителей этих мест — юкагиров-вадулов [ПМ № 109] (см. стр. 2 обложки).

Собранные сведения о фоноинструментах, прежде бытовавших в музыкально-фольклорной практике различных этнолингвистических групп юкагиров, позволяют зафиксировать как элементы архаики, так и динамику ассимиляционных процессов, происходивших на протяжении последних столетий в регионах Северной Азии.

Литература

Атлас МИН 1975 — Атлас музыкальных инструментов народов СССР / сост. К. Вертков, Г. Благодатов, Э. Язовицкая. М., 1975.

Бродский 1974 — *Бродский И. А.* О народных музыкальных инструментах и инструментальной музыке Дальнего Востока РСФСР // Теоретические проблемы народной инструментальной музыки (Музыкальный инструмент и инструментальная музыка). Л., 1974.

Бродский 1973 — *Бродский И. А.* Фольклорное богатство Верхнеколымья // Советская Колыма, № 84 (2212), 23 окт. 1973 г.

Бродский 1976 — *Бродский И. А.* К изучению музыки народов Севера РСФСР // Традиционное и современное народное музыкальное искусство. Вып. XXIX. М., 1976.

Грубей 1941 — *Грубей Р. И.* История музыкальной культуры. Т. 1. Ч. 1. С древнейших времен до конца XVI века. М., 1941.

Добжанская 1991 — *Добжанская О. Э.* Чукотские наигрыши на рамном варгане // Варган (хомус) и его музыка (Мат. первой Всесоюзной конф., 1988 г.). Якутск, 1991, С. 52—58.

Жорницкая 1970 — *Жорницкая М. Я.* Северные танцы. М., 1970. С. 85—98.

Жорницкая 1975 — *Жорницкая М. Я.* Народные танцы юкагиров // Юкагиры (историко-этнографические очерки). Новосибирск, 1975. С. 125—134.

Идес, Бранд 1967 — *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695). М., 1967. С. 288—289.

Игнатьева, Шейкин 1993 — *Игнатьева Т. И., Шейкин Ю. И.* Образцы музыкального фольклора верхнеколымских юкагиров. Якутск, 1993.

Игнатьева 2005 — *Игнатьева Т. И.* Музыкальный фольклор юкагиров // Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. Новосибирск, 2005. С. 45—124 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Кляус, Супряга 2006 — *Кляус В. Л., Супряга С. В.* Песенный фольклор русско-устьинцев Якутии и семейских Забайкалья. Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск, 2006.

Курилов 1990 — *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Якутск, 1990.

Курилов 2001 — *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001.

Курилов 2005 — *Курилов Г. Н.* Юкагиры и их фольклор // Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. Новосибирск, 2005. С. 12—44 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири. Первая половина XVIII века. Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983.

Николаева, Шалугин 2002 — *Николаева И. А., Шалугин В. Г.* Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (Верхнеколымский диалект). Учебное пособие для учащихся начальной школы. СПб., 2002.

Окладников 1955 — *Окладников А. П.* История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. 1.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы (наскальные рисунки у деревни Шишкино). М.; Л., 1959.

Прокофьева 1961 — *Прокофьева Е. Д.* Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.

Северная энциклопедия 2004 — Северная энциклопедия. М., 2004.

Спиридонов 1997 — *Спиридонов В. К.* Школьный русско-юкагирский словарь. Якутск, 1997.

Шейкин 2002 — *Шейкин Ю. И.* История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М., 2002.

Geschichte 1977 — *Geschichte der Musik. V. I. Musik der Urgesellschaft und der frühen Klassengesellschaften / hrsg. von E. H. Meyer.* Leipzig, 1977.

Сокращения

ПМ № 37 — Полевые материалы Ю. И. Шейкина, № 37, апрель 1986 г.: Чукотка: чукчи, чуванцы, эскимосы. При участии анadyрских работников культуры: Е. А. Рутьинеут и Р. Г. Петченко. Материалы: дневник, реестр, звукозаписи, фоноинструменты.

ПМ № 45 — Полевые материалы Ю. И. Шейкина и Т. И. Игнатьевой, № 45, март-апрель 1987 г.: Северная Якутия: саха, эвены, *одул*-юкагиры и *вадул*-юкагиры. IV Комплексная экспедиция СО АН СССР и Фольклорной комиссии Сибирской организации Союза композиторов РСФСР в рамках программы по организации издания 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» под общим руководством А. Б. Соктоева при участии звукооператора М. Л. Дилька, фотографа В. Т. Новикова; филологов-фольклористов: П. Н. Дмитриева, В. В. Илларионова, Ж. К. Лебедевой, Г. Н. Курилова, Х. И. Дуд-

кина, А. Маликовой, Л. Н. Жуковой; музыковедов: В. Н. Шевцовой (руководитель), В. С. Никифоровой, Т. И. Игнатьевой, Г. Г. Алексеевой. Материалы: дневник, реестр, отчет, звукозапись, фото, фоноинструменты.

ПМ № 70 — Полевые материалы Ю. И. Шейкина и Т. И. Игнатьевой № 70, февраль — апрель 1995, г. Якутск: юагиры-одулы. Запись фольклорного исполнителя В. Г. Шалугина из п. Нелемное Верхнеколымского р-на. Материалы: аудиозаписи, фото и дневник.

ПМ № 72 — Полевые материалы Ю. И. Шейкина, № 72, февраль, 1996 г. Северная Якутия: эвены, юагиры-вадулы, чукчи, северо-восточные саха. Самостоятельная работа с носителями и интерпретаторами фольклора из Нижнеколымский улуса (п. Черский, Андрюшкино и Колымское). Материалы: звукозаписи и дневник. Кассета с записями русского фольклора передана от жителей с. Походск заведующим отделом культуры Нижнеколымского улуса Г. И. Силковым.

ПМ № 84 — Полевые материалы Ю. И. Шейкина и К. Танимото, № 84, февраль, 1998 г. Северо-восточная Якутия (Верхне-Колымский улус): юагиры-одулы. Экспедиционная запись знатоков фольклора в п. Зырянка и Нелемное при участии японского этномузыколога К. Танимото. Материалы: фото, видео, звукозаписи и дневник.

ПМ № 93 — Полевые материалы Ю. И. Шейкина и Т. Миллера, № 93, август 1999 г. Северо-восточная Якутия: юагиры-одулы. Сбор материалов по музыкальному фольклору в п. Нелемное Верхнеколымского р-на при участии антрополога Т. Миллера (США). Материалы: звукозаписи, фото, дневник.

ПМ № 109 — Полевые материалы Ю. И. Шейкина, № 109, август 2006 г. Северо-восточная Якутия: юагиры-вадулы, юагиры-одулы и саха. Сбор фольклорных материалов во время III Съезда юагиров, который проходил в п. Черском Нижнеколымского р-на в августе 2006 г.

Summary. *This article is dedicated to identification and description of phonoinstrumental problems of different ethnic groups of Yukaghirs (e.g. Oduls, Vaduls and partly Chuvances). In the article we analyze phonoinstruments and sound tools identified in ethnographic and historical sources, as well as in field expeditionary materials by different collectors since 1970s till 1990s.*

Key words: *musical folklore of Yukaghirs, traditional phonoinstruments and sound tools, typological and design features, archaic and assimilation.*

Л. И. КАРДАШЕВСКАЯ,
Ю. И. ШЕЙКИН
(Якутск)

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЭВЕНКОВ¹

Аннотация. *В статье дается обзор эвенкийских музыкальных инструментов, который свидетельствует об исторических связях фольклорной культуры с различными историческими нормами устного профессионализма, об особой роли инструментария в обрядах и ритуалах.*

Ключевые слова: *идиофоны, хордофоны, архофоны, ритуальные фоноинструменты, интонационно-акустическая культура.*

Предметы материальной культуры, обладающие целесообразным фоническим смыслом, являются фольклорными фоноинструментами. Они представляют «материальную» сферу интонационно-акустической культуры. Обзор этих инструментов наравне с собственно музыкальными орудиями позволит выявить принципы, на основании которых зафиксированы интонационно-акустические грани эвенкийской культуры. Среди фоноинструментов собственно музыкальные инструменты занимают центральное положение. Они свидетельствуют об исторических связях фольклорной культуры с различными историческими нормами устного профессионализма. Существенным фактором в формировании этого признака в традиционном мышлении эвенков имеет обрядовое и ритуальное поведение. Среди музыкальных инструментов эвенков следует выделить, прежде всего, хордофоны и варганы (щипковые идиофоны, сочетающие мануальную фонацию с вибрационным звучанием язычка).

У енисейских и северобайкальских групп эвенков сохранилось слово *кордавун* ~ *коордаавун*, которое обозначало оба вида музыкальных инструментов,

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ №10-04-12111 «Создание информационной системы “Электронный фонограммархив по музыкальному фольклору народов северной Азии”» (рук. Ю. И. Шейкин).